https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

United States Holocaust Memorial Museum

Oral History Interview

Belarusian Witnesses Documentation Project

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

RG-50.674.0002.01.02

Мария-Юзефа Каравайская

15 августа 2011

Таре #1

– Здравствуйте.

– Назовите, пожалуйста, Вашу Имя и Фамилию.

– Мария-Юзеф.. по-польски? По-русски?

– Да, по-русски.

– Мария-Юзефа Викентьевна Каравайская.

– Какого года рождения Вы?

– … двадцать восьмого.

– Где Вы родились?

– В Новогрудке.

– Какое-то время тому назад к Вам приходили наши коллеги и Вы рассказывали им о том, что Вы видели во время войны. Второй мировой войны. На этот раз мы пришли к Вам, чтобы Вы на видео опять рассказали о Ваших воспоминаниях. Для начала, скажите, пожалуйста, у вас в Новогрудке Вы помните жили ли евреи до войны?

– Жили. Много евреев. Приблизительно шестьдесят процентов евреев было.

– Шестьдесят процентов от всего населения?

– Да, да.

– А Вы кого-то помните лично, вот, знакомых каких-то, друзей или?..

– Через… через забор евреи.. через… между за.. евреи у нас жили. Долетицкий фамилия была. Там… там было два сына и дочь. Мы.. Мовша и… как же… второ…выскочило… и дочь Дверой звали.

– Двера, так?

– Дв.. Дв… Двера. Двера ее звали. Со второй стороны у нас тут мельница близко была. Тоже евреи были. Тут фамилия Израилита была.

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Израилит, так?

– Из-раи-ли-та. Так писали прямо.

– Ага.

– Два сына было – Абрам и Мовша. У них мельница была. А отец, Овсей, он специалист от лечения животных был. Ну просто, просто так.. такой домашний ветеринар.

– Ветеринар.

– Ну, и за речкой у нас жили евреи тоже. Этот еврей.. его мы называли Водовоз, потому что он возил воду в город бочкой, продавал тут. Криничная вода и он возил... возил эту воду. Ну а так с детьми то мы мало общались. Ну, встречались и потом на.. на улице уже туда дальше в город. Там были магазины еврейские и мы ходили всегда, что там купить нужно или что. Нас родители посылали. И мы с этими детьми знакомы были. И по.. и потом когда после войны, в сорок четвертом году, когда партизаны вышли из леса, то к нам приходили они. Тая.. Шлёма.. Замковы фамилия была. Шая. Но Шая потом еще писал мне письма с фронта и по.. по.. последнее письмо из Бобруйска пришло и все, и все оборвалось. И с сестрами его связь потерялась. Одна вышла за лейтенанта в Ли.. в Лиде, а вторая младшая.. ну поехала вместе с сестрой. И связь оборвалась, как, видимо, погиб он. Потому что он очень регулярно присылал мне письма.

– Этот парень Шая. А какая фамилия у него была?

– Замковы.

– Замков?

– Зам-ко-вы.

– Это.. А.. И он…?

– Отца Нысый звали, брата его Шлёма звали. У них два магазинчика было по… по улице Сечко. Ну это улица иначе назвалась раньше.. Пересека.

– И он был на фронте с какой армией? Советсткой?

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Советской. Советской. Они с партизанки пришли и их при… призвали в армию. И вот он в советской армии был. Я же говорю, из Бобруйска еще мне писал. И связь оборвалась.

Советской

– А Вы видели, что случилось с вашими евреями местными уже в годы войны?

– Видеть, я не видела. Но знаю, что их… это в срок первом году. Их шестого декабря… массовый погром был на евреев. Кого-то в гетто забирали, некоторых на расстрел вывозили за город. Но первый расстрел евреев был, а единичных было несколько раз.. но первый расстрел такой: пятьдесят два человека на площади расстреляли.

– Скажите, пожалуйста, откуда Вы знаете, что именно шестого декабря?

– Ну.. ну я же помню, что моих соседей погнали, забрали.

– То есть Вы знаете твердо, что Вы сами запомнили 6 декабря.

– Да. Да, у меня даже записано есть.

– Вы записали так, да?

– Да.

– Вы вели дневник или так просто записали?

– Нет, про… просто записала себе это.

– Вы тогда, вот в этот день записали или потом уже?

– Нет, потом, когда мы узнали, что их в гетто нету. Только старший сын Мовша и двое детей, старших его… сын и дочка. Как детей звали, я не помню.

– То есть расскажите, что именно Вы видели, вот, шестого декабря? В этот день что происходило? А потом уже расскажите…

– Ну я видела как пришли… ну… или полиция.. знаете, на расстоянии, далековато же от нас.. вон там, на горке дом был. И мы увидели: бежала к нам их дочь и она, видимо, ребенка несла. Большим платком накрыто было. И мы через окно увидели… ну у нас очень хорошие собаки были и

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

со.. да.. даже если к соседям кто-то шел, то они могли просигналить. И… она добежала так до середины нашего участка. Ну, расстояние между нашими домами и смотрим – свернула обратно. И смотрим – каратели, подъехали там, с саночками. Саночки чьи были, не знаю. Только что ма… маленьких детей на саночки посадили и всю семью эту погнали. И стариков, и молодых. Всех погнали.

– Их дом на каком расстоянии находился от вашего дома, примерно?

– Ну, каких сто пятьдесят метров, наверное. Может, больше даже.

– Вот, когда Вы увидели эту девушку, ее Двера звали, да? Вы так сказали.

– Двера.

– Вы до этого слышали какие-то звуки или Вы до этого ничего не слышали?

– Нет. Нет.

– Вы чисто случайно увидели ее?

– Случайно как-то. Но про этот разгром мы знали, слышали. Кто-то, возможно, сказал. Я.. я это не помню. Я же еще какая была, в сорок первом году.

– Ага.

– Но мы через окно увидели, что она бежит к нам. И она повернула резко – и обратно.

– Вы, вот, когда посмотрели в окно, Вы больше ничего не видели? Только ее видели и все?

– Ее видели и потом как э.. эти каратели шли, я видела. Видела.

– Они шли одновременно, как бы, за ней или немножко попозже?

– Нет, она одна с этой стороны, от нас бежала, а они оттуда – из города шли. Несколько человек. И, видимо, она их заметила и поэтому повернула обратно.

– А Вы их видели, этих карателей. Вы их по дороге видели или как?

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Нет, там… там никакой дороги.. там у них на св.. на своей усадьбе было. У них…

– А, то есть Вы видели их на участке их?

– На их участке, когда к дому приближались. А потом мы, ну, уже рассмотрели в окно. Видели, что… что маленьких на саночки посадили. Снег уже лежал.

– А вот этих карателей, которые Вы говорите, сколько их было там, людей?

– Несколько человек, но сколько, я их не считала. Не знаю.

– Вы видели на них… они в форме были?

– Ну, они полицаи и гестапо.

– Откуда Вы знаете, что как гестапо были?

– Они в зеленых были.

– Они в зеленых формах?

– А эти черные с такими серыми манжетами. Серые манжеты и воротники, кажется, серые были у полицаев.

– То есть там были и такие, и такие?

– Да, да, да.

– Ага. И Вы смогли распознать, как бы, что форма была разная?

– Ну так зрение же было не настоящее. Видно же было. Я-то… ну как-то вот не время было. Так что видно было. И снег… так.. так что их хорошо видно, видно было.

– Вы видели как эти каратели, как они вошли в дом или Вы этого не видели?

– Нет, я уже не… больше я не смотрела. Мы только увидели, что идут и она.. она побежала обратно домой. А по… потом уже, ну смотрели в окно, как уже их семью всю выгнали.

– Я хочу понять: как бы они, эти полицейские, гистаповцы, они шли домой к этой девушке? Направлялись к ней домой, как бы?

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Она… Она жила вместе с родителями.

– Да, да, да. И она, когда увидела их, она вернулась обратно?

– Да.

– Ага. То есть она не пыталась убежать, как бы…

– Нет, нет, нет.

– От дома она, наоборот, обратно?

– Она… она повернула обратно.

– И Вы видели тот момент, когда ее арестовали?

– Нет. Она.. она добежала домой.

– Добежала?

– Она добежала домой. Пока они подошли. И они всю семью… мужа раньше расстреляли, на… на… на поле, на границе. Говорили, нашли.. нашли его мертвого, расстрелянного и со снятыми сапогами. Но мы.. но мы это не видели. Это уже соседи говорили нам.

– Ваши соседи рассказывали?

– Наши. Но из этих соседей никого уже…

– А как звали соседей Ваших?

– Каких из соседей, говорите?

– Которые рассказывали Вам.

– Это я не помню.

– Не помните как звали?

– Нет, не помню, кто говорил. Но кто-то из соседей сказал.

– Но…

– Но, может, не в моем присутствии говорили, но знаете, это… для нас это было очень такое ужасное, эти расстрелы, все.

– А мужа этой Дверы они застрелили как, намного раньше или в тот же самый день это произошло?

– Нет, нет, нет. Расстреля… Застрелили его, где-то в ок… какой сейчас месяц? Август?

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Сейчас август, да.

– Вот где-то в августе. По…

– То есть его в сорок первом году…

– В сорок первом году…

– В августе застрелили?

– Кто.. к… куда он шел, зачем он шел, толь… только с той стороны шоссейной дороги, которая на Вселюб идет.

– Его нашли уже мертвым?

– Нашли мертвым.

– Никто не знает кто зас…?

– Нет. Там, может, жили те, кто собак вылавливали. Может, они и видели, но потом их семью то… тоже хорошо ограбили. Они сохраняли евреев.

– А что за семья была эта? Как звали?

– Бобровские.

– Бобровские, да?

– Их отца и мать расстреляли. А молодежь ушла сюда, в город.

– А когда расстреляли их, Бобровских?

– Осенью. В сорок первом году.

– Осенью в сорок… И за что именно расстреляли?

– Евреев сохраняли. Уже по… после того, как гетто организовали. Потому что.. ну это.. это, Вы знаете, это та.. та… такое жестокое все было, такое ужасное.

– А гетто когда организовали?

– В сорок первом году. Вот в ав.. в этом… декабре.

– В сорок первом году, в декабре.

– Да. Большую часть, где-то пять тысяч вывезли за город, там расстреляли. Ну, расстрелы и по пути, возможно, были. Ну, Вы знаете, как мыши сидели. Люди боялись выходить.

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Ну, тогда, Бобровских, если их расстреляли до того, как гетто создали, то кому…

– Нет, тогда уже гетто было, тогда гетто было.

– Тогда получается, что это не в сорок первом году их расстреляли?

– Ну так гетто в декабре, когда сделали, тогда… тогда же евреев в основном, сохр… а может, и в сорок втором. Тут… тут я точно не могу сказать.

– Ну Вы помните, что Бобровских расстреляли после того, как гетто было создано, да?

– Да. Да, потому что они сохраняли евреев.

– Ага.

– А пото… а потом…

– А откуда Вы знаете про это, вот, что они пытались спасать евреев?

– Потому что они рассказывали. Эти… молодые же убежали. Они жили здесь потом недалеко от нас.

– Молодые кто?

– Ну кто, Бобровские.

– Ага. То есть дети этих Бобровских?

– Да. Да, а старых… а старых..

– Как звали их?

– Одну звали Зося.

– Зося Бобровская?

– А ос.. остальных, Вы знаете, я уже не помню. Бы… было два парня. И еще две сестры у них было. А с Зосей мы потом встречались еще долго-долго после войны. Она в городе жила, и мы с ней встречались.

– И Вы от нее лично узнали, что родителей их убили?

– Да. Она лично мне рассказывала, что за… за то, что кто-то до… донес. Но евреев не поймали у них. Только родителей расстреляли. Они, молодые, убежали.

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Ага. Так что я хочу, как бы продолжить, вернуться к этому эпизоду, когда Вы видели как забирали Ваших соседей. Вы.. как долго, вот, Вы наблюдали в окно за всей этой сценкой?

– Вы знаете, это трудно сказать.

– Ну, буквально несколько минут или, например, полчаса?

– Нет, это до.. дольше по.. потому что пока они подошли, мы же уже видели как они пошли туда, в дом. И потом, когда в… вы… семью эту выгнали.

– И сколько людей выгнали на улицу?

– Ну, был… был отец, мать, Мовша с женой, двое больших детей (дочка и сын), а младших, я, Вы знаете, я даже не помню сколько. И вот эту.. А второй брат Ирша тоже с женой, и тоже у него де.. дети были. Но сколько их там было, Вы знаете… они там играли всегда, никогда вреда нам не приносили. Так у нас никаких претензий. Так отец хорошо с ними был. Ну и мы все… ну мы т.. не.. не… не мы туда не ходили, не они к нам не приходили, дети. Это уже потом, потом после, когда они из партизанки пришли.. то и… то и сын, и дочка сюда приходили, ко мне. Но как их звали…

– Не помните?..

– Не помню абсолютно.

– Их всех, вот… Вы видели их пешком вели или была какая-то машина?

– Нет, от…отсюда пешком. Только на саночках по… видимо, самых маленьких посадили, на саночках везли.

– Были одни санки или было несколько?

– Одни.

– Одни только?

– После того, как их повели отсюда, Вы видели их в гетто или где-нибудь в другом месте?

– Нет, нет.

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– То есть после этого Вы их совсем не видели?

– Нет. Потому что их расстреляли, поэтому мы их видеть не могли. А этот старший, видимо, очень быстро из этого гетто ут… удрал в лес.

– Откуда Вы знаете, что их расстреляли?

– Ну потому, что они не вернулись.

– Понятно. А так Вы не слышали от других людей, чтобы кто-то видел как их расстреливали или?

– Вы знаете что, кто-нибудь, может, и видел, но это было такое страшное время, что каждый боялся сам за себя. И разго… разговоров таких, в основном, не велось. Ква.. квартиры еврейские грабили, забирали это, увозили куда-то в Гродненскую улицу, где сейчас военкомат. Вещи. Ну, самое ценное. Ну, а при том приказе деревенские люди брали себе кое-что. Некоторых хл.. поймали. Некоторых повесили. Пару человек повесили на площади.

– А про это откуда Вы знаете?

– А на площади я видела. Три эти… стояли виселицы.

– Были виселицы и было три человека там?

– Да. Да, три человека.

– А…

– А сколько их поймали всего, сколько их угробили, это тоже трудно сказать, потому что мы не особо ходили в город. Хлеб был дома. Ну, а евреи у нас, гетто как было здесь, они постоянно приходили к нам.

– А вот куда Вы знали, что вот эти повешанные, они именно вот люди, которых повесили это.

– Это везде и в рупоры говорили, и вывешены бумаги были. Афиши такие.

– Там были рядом?

– За… за по… за кражу.. по.. по всей площади, где только здание какое было, наклеено было. За кра… за кражу, за.. за это, за ограбление квартир этих – виселица.

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Ага. А там было написано, что, как бы, вот такое наказание каждому, кто будет так делать?

– Да. Кого поймают.

– Или там, там было тоже написано, что, вот, их они наказали за это или нет? Просто первых?

– Нет. Нет, нет. Это… это не было написано. Написано было только: за ограбление этих квартир, еврейских – виселица.

– А вот с домом и с вещами Ваших соседей что случилось? С их имуществом?

– А тут поселили людей быстро.

– Каких людей? Из Вашего, как бы…?

– Из города. Там где-то жандармер забирала квартиры, где школа сейчас стоит, вот здесь по… по… по Сечко. И забирали квартиры, а этих выселяли людей, и сюда поселили.

– Ага. Так что все имущество было на месте, когда их выселили?

– Возможно, было. Возможно, кто-то брал. Это я не знаю. На… нас чужие вещи никогда не интересовали. И никто из нас не ходил туда, ни.. ни братья, ни… ни родители.

– Так что из всей семьи этих, Ваших соседей, выжил только один человек?

– Три.

– Три человека?

– Он, сын и дочка его. Мовша…

– Мовша.

– А дочь как звали и сына, не помню. Тогда на… конечно, я знала в то время, но это же… это сорок первый год был.

– И они вернулись потом, после войны сюда или они уехали?

– Они потом уехали в Израиль. Отец тут был женился на какой-то русской. А дети были в городе. А потом де… дети уехали в Израиль, когда уже…

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– То есть какое-то время они жили у вас…

– Жили в Новогрудке, здесь.

– А потом уже уехали?

– И он не по.. не помню в каком году. Но он пошел по.. пока выехать. Он из гетто, он приходил к нам. Я помню, я здесь лежала больная, потому что у нас там, в моей комнате брата… с детьми.. чужие люди были с детьми… это потом уже брата жила здесь. И он пришел, а тут мама сидела около стола. И он пришел и предлагал маме перинку и подушки пуховые: «Вот, может, когда-нибудь постучусь – хлеба кусочек дадите». А мама говорит: «Когда постучишься, и будет хлеб, всегда получишь. А перинку отдай тому, кто без… без перинки и хлеба не даст, а мы, - говорит. - Без перинки дадим хлеб». Я.. я помню как он на колено стал перед мамой и поцеловал руку.

– Этот разговор, он когда произошел? В каком году, Вы не помните?

– Это с мамой?

– Да. Вот…

– Если хорошо под.. подумать. В каком году это я… это уже, может, сорок второй был. Может, сорок третий. Не помню.

– То есть это, вот, уже в те годы войны, уже после того, как гетто было создано, как все…?

– Да. Но он из гетто пришел. Он из гетто пришел, уходил в лес. А потом из леса вернулись, он жил здесь, потом…

– Это то есть перед тем, как он убежал в лес? И он…

– Он с гетто при… пришел к нам. Он, он уходил как раз в этот лес.

– Ага, он пришел с детьми вместе или только сам?

– Нет, нет, нет. Один. Один. А после войны он при.. вернулся из леса в свой дом, и продал этот дом, и про… четыре гектара земли было, у них было. Он продал Чубрику. Чубрик Петр такой. Он зас.. заселен был в этом доме.

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Мы продолжим?

– Пожалуйста.

– Освободились как от осы… Расскажите, пожалуйста, про гетто. Вот что оно собой представляло? Что Вы помните о гетто?

– Ну что? Заставили где-то какой-то забор там, около суда, или где там был при Польше, евреям в руках перенести сюда. Тут близко, у нас здесь гетто было. И огородить, и ворота сделать, и охрана стояла в воротах. Но разрешили им за водой ходить. Там воды не было. Вот они приходили сюда, к нам. В ре… речку. У нас там колодец возле речки был. Это у нас такая речушка, Валовка называется, криничная. И вот они приходили, но а тут… тут без охраны же приходили. То подбегут – картошки дашь. То хлеба, то, там, морковку.

– То есть разрешали им выходить самим и потом обратно, без охраны приходили к Вам?

– Без охраны приходили. Но на работе так под охраной шли. Если на работе. А за во… водой было такое, видимо, разрешение, потому что они свободно приходили.

– Вы видели когда строили это гетто?

– Нет.

– Нет, то есть Вы видели уже когда оно было построено?

– Когда построено было. Мы мало выходили. Мы сюда фактически не ходили. Мы.. здесь у нас теперь застройка, а раньше у нас тут кусты были. И дорога была. И через кусты эти мы ходили в город. Через парк. В основном, в костел ходили.

– На каких улицах вот это гетто находилось?

– Это называлось при Польше – Пересека.

– Пересека?

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Да. Это какой-то пересек был, и это в честь его имени… И до.. как же там та улица называлась… не Головки... Головки дальше. Здесь сейчас автобаза, и вот за автобазой идет Цветная улица, сейчас называется.
– Цветная улица?
– Да, сейчас она цветная называется. До этой улицы было гетто.
– Какой формы получалось гетто? Вот, что это было?
– Ну Вы знаете, мне это трудно было сказать. Огорожено было кругом, а меня… А меня…
– Это повсюду, по всему периметру был забор или просто…?
– Вокруг забор был и ворота были напротив… там такой большой дом, по «Сечко» стоит. Напротив этого дома, напротив улицы Подгорной… или Восьмое марта. Напротив Подго… Нет, напротив, наверное, Подгорной это. Сейчас это Подгорная, а раньше как она называлась… думаете, я все улицы знала? Мне некогда было.
– И там единственные ворота для того, чтобы войти и выйти из гетто?
– Да.
– И больше…?
– И там охрана. Большие ворота, одна охрана. И женщина с этого большого дома рассказывала, как выходила молодая евреечка, капитально одетая, с ребенком на руках и с таким дипломатом. И вот она этому немцу дает, а он – нет. Второй раз она дошла, подошла опять, опять ему… а эта женщина через окно (тюль весит, так ее не видно, что она... на… наблюдает). И потом второй раз, а по… а на третий раз взял этот чемоданчик. И она вышла на улицу, отошла, может, десять шагов и он выстрелил. Она упала, ребенок этот упал на улицу. Эта женщина сразу потеряла сознание. Не видела, что дольше было, как ее убирали… как… как ребенка забирали. Но ребенок, говорят, у нее выпал из рук. Вот.. вот такие были.. бывали акты.
– А кто эта женщина, которая рассказывала Вам про историю?

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Это была полька. Гурецкая фамилия ее, но ее давным давно нету в живых.

– Гурецкая. А как звали?

– Не… не… не знаю.

– Не помните?

– это па.. пани Гурецкая и все.

– Она Ваша знакомая была? Или знакомая родителей?

– Да, знакомая. С родителями она больше… с мамой она больше знакома была. У нее была дочь, два сына. Это в сорок первом году, когда была первая бомбежка, ее один из сыновей погиб.

– Я хочу понять: она просто жила возле гетто? Дом их или..

– Напротив гетто этот дом с.. стоял и стоит и сейчас. Большой дом такой.

– Ага. Так что она видела все из окон?

– И она из.. из окна это все видела. Она.. она в квартире была у этих хозяев, и она с окна видела это. Она рассказывала мне. Я иногда заходила туда к ним.

– В квартиру?

– Да, потому что ее дочь со мной училась.

– И Вы могли видеть из квартиры: вот, территория гетто была видна хорошо?

– Ну, частично… что.. за.. за окна… там… там горка дальше, а за горкой еще гетто тянулось.

– А что было видно вообще на территории гетто? Вот как все выглядело?

– Фактически, ничего не видно было, потому что забор дощатый был.

– А какой высоты?

– Ну, выше… выше меня, во всяком случае. Может, два метра. Может, метр восемьдесят. Высокий, высокий забор.

– Так что, ну, реально ничего не могли… были какие-то щели? Можно было что-то увидеть сквозь щели или нет?

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Ну это, Вы знаете, к щелям этим опасно подходить было, потому что не известно кто.. кто за щелью. Можно было отхватить.
– Так что за все время существования гетто Вам, в принципе, не удавалось видеть ничего, что-то посмотреть?
– Нет, нет, нет. Я видела только ворота, видела евреев, которые приходили к нам. Здесь.
– Как далеко… На каком расстоянии Вы жили? Вот Ваш дом от гетто какое расстояние было, примерно?
– От… от ворот гетто где-то, приблизительно, километр.
– Километр до Вашего дома?
– Да. А до.. до гетто тут не далеко, полкилометра. Не больше. Мы с са.. с самого начала, как город начинается. Тут вот сейчас дом молитвы есть. Это все еврейские дома были тут. И тут было гетто. Догла.
– Так что этот дощатый забор был по периметру всего гетто, не только частично там?
– Вокруг, вокруг огорожено было. Вокруг.
– Да… А кто охранял гетто?
– Вы знаете что, я не знаю. То ли.. то ли немцы, то ли жандармеры, то ли полицаи. Я ви.. видела в зеленом. Так что это не полицаи были. Полицаи были в черном. А я видела там в охране в зеленом стояли. Но мы редко ходили по этой улице.
– А Вы не помните на каком языке разговаривала охрана?
– Нет.. не.. я с ними не разговаривала.
– Ну никогда они не говорили, чтобы отойти или..?
– А мы не задерживались.
– Ага.
– Так что нам замечаний не.. не делали.
– Вы видели, чтобы когда-нибудь кто-то из гетто выходил или входил? Вы лично видели?

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Нет, нет.

– Никогда?

– Не видела.

– А Вам известно: их там кормили или нет? Как они жили?

– Ну, думаю, что не сладко жили, потому что некоторые еще выходили на работу из гетто, то они же были на одной картошке. Брат мой работал надзирателем, а евреи при… шестьдесят евреев приходило перебирать эту картошку, сортировать. Так у них было у каждого по две картофелины… в карман положил.

– А где он работал надзирателем?

– а в.. в.. это… такое.. ка… как же это называлось учреждение. По… по хозяйской части.

– Это в городе где-то какая-то..?

– В городе, в городе. Но как, как она называлась?... Вы знаете, уже мозги от… отстали мои. Это специальная такая организация. Там и семена можно было достать. Там нужно было контингентам отчитываться.

– То есть это был какой-то склад такой небольшой?

– Нет, это.. это было просто предприятие такое. И они занимались, вот... надо было сдавать и картошку, и зерно, и шерсть.

– Ага.

– … и мясо. Это все надо было сд.. сдавать. Это как.. как у нас..

– Как заготовительная какая-то?

– Как за.. да, как у нас райсоюзы, в таком духе.

– И Ваш брат всю войну как, работал там?

– Нет.

– Или какое-то время работал?

– Одно время. Его хотели в по…в полицию забрать, так он пошел на такую работу.

– А как звали Вашего брата?

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Станислав.

– И Вы от него слышали, что вот евреев привозили туда работать? Или Вы лично видели?

– Ну, от… от.. нет, от него. От него. И знаю, что некоторые были в полиции, из товарищей. Из наших товарищей, из гимназии. И они плохо относились к этим евреям. Брат бросил эту работу. Говорил: «Я не могу смотреть. За две картофелины, чтобы нагайкой стал по плечам старшего человека… это… это не для меня.». И по… он пошел… опять его хотели забрать в полицию, а он высокий, большой такой, атлетического строения. И он пошел сапожни… са… сапоги учиться шить. Это было на св… теперь это Свердлова улица, а когда-то Сенежицкая называлась. Там на дер... до деревни Сенежица она шла. И в этом доме, у этого хозяина, там работал еврей. Бондарь фамилия. И он учил вот их, это, шить эти сапоги.

– Это вот в годы войны все еще в этом доме у хозяина работал еврей?

– Да, это в соро…

– А как получилось, что.. как его тоже не забрали в гетто, а он жил там у хозяина?

– А он… он был у них на учете. Ге… гетто евреи были там, где суд. Где сейчас ПТУ. Там было гетто ля евреев, которые.. ну, ремесленники. Кто.. кто с обувью имел дело, кто с… кто с сё… сёдла эти шили. Евреи были очень хорошими же ремесленниками.

– То есть часть каких-то распределяли конкретно?

– Портных там… да, их… их рассортировали. Которые такие покрепче, их туда забрали. И которые что-то умели делать. И вот он…он там работал. Это в сорок втором году. Я была на операции, и у брата пропали документы тогда.

– Просто на первом месте работа, где, Вы говорили, что там они картошку сортировали…

– Ну он как… как кладовщиком там был. При этой картошке.

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Там привозили евреев из.. из гетто, как бы, часто?

– Пригоняли. Пригоняли. Никто не возил.

– Мужчин, или женщин тоже?

– Мужчин.

– Только мужчин?

– Муж… мужчин.

– И кто их бил? Я не очень поняла как бы, эти люди тоже работали на…

– Они…

– Вместе с братом?

– Они могли не работать, а.. а прийти, потому что там евреи работают. Они могли прийти и свою команду какую-то подавать. Ну, брат посмотрел… это такой Замковый Зысоль был. Его.. а его… Нисоль, не Зысоль… а его сын учился с этим Шая, учился вместе с моими братьями. И один из таких молодцов нагайкой ему по плечам. Он выходил… брат говорил, он же не видел, этот взял еврей картошку, или не взял, а он выходил, кажется, из дверей, а этот нагайкой ему по плечам. На завтра брат говорит: «Вы знаете что, товарищи? (их трое таких героев.. приходило) Не делайте этого. Это же нашего товарища отец.». Так над ним стали пошучивать, и потом так как уже с… там о.. одни уже стояли, так го.. говорит: «Это протеже Добжинского. Этого еврея пропустить, а другого можно ударить.» а это уже.. мой брат заступится за этого.

– А вот эти трое «молодчиков», как Вы их называете, я не.. не очень хорошо поняла, как бы, их роль официальную. Они… они были в охране или они работали там, вместе с братом?

– Нет, нет, нет. Они полицаями были.

– Они были полицаями?

– Да. Добровольные полицаи.

– Ага. Это были добровольные полицаи здесь, как в городе они?

– Да.

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Но они приходили вместе с евреями?

– Они евреев пригоняли.

– Они пригоняли евреев?

– Да. Из гетто.

– А! и тоже потом они сопровождали обратно?

– И сопровождали обратно.

– Вот почему они там присутствовали. А брат был таким кладовщиком.

– И они, то есть с некоторыми даже Ваш брат учился вместе с ними?

– Брат учился и они учились.

– Да, да, да. Вместе все учились. Знали друг друга.

– Все вместе учились. Одного… двух даже. Один Муха был.

– Муха?

– Фамилия. Один – Лянге, а вот третьего не помню.

– Лянге?

– Лянге фамилия.

– Лянге, Муха. Они вот эти полицаи, которые были?

– Да. А потом, я же и говорю, брат в за.. за… в защиту шел, так они: «Эту протеже пропусти. Это протеже Добжинского». Приходили к нам евреи. Брат приносил, работал потом на.. на бойне ж.. этих… с сапог убежал. Са… са.. сапоги уже.. ботинки мне сшил из сукна.

– Евреи прих… приходили к Вам вот, когда Вы говорили, что они за водой отправлялись? Тогда они к Вам?

– За водой они.. сюда приходили за водой, а… а тут близко. Или мы кто-нибудь навстречу выходили или они забегали.

– И Вы помните какие-то конкретные случаи, вот, когда к Вам кто-то приходил?

– Ну помню. Почему же не помнить?

– Можете рассказать?

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Кто уходил из гетто в партизаны, то обязательно заходили в наш дом. В памяти у меня очень красивая евреечка, такая стройная, высокая. И сразу, когда она вошла (это теплый день был), мы обратили внимание на ее одежду: ботинки кожаные, зашнурованные, эти.. гольфы, такие капитальные, юбка и жакет теплый. И она пр.. пришла и просит хлеба продать. Просит купить. Мама говорит: «Хорошо, есть хлеб», а потом говорит: «Может, сала кусочек дать?». Она так глянула на маму: «Ну, если можете, то, пожалуйста…». Так скромненько. Мама принесла хлеб, принесла… буханку хлеба принесла ей. Принесла сала кусок. А у нас мыло самодельное делалось. И это мыло сохло. Оно уже по.. почти готово было. Мама говорит: «Может, кусочек мыла дать?». Она так улыбнулась, подошла, маму в руку поцеловала. Мама ее пере… крестик поставила на лбу ей, поцеловала, говорит: «Иди, дитя, спокойно». Она с.. сразу у нас через огород пошла в лес, в сторону леса.

– Как они.. эта девушка, она из гетто выбралась или…?

– Из гетто.

– А как они выбирались из гетто?

– Это я не знаю, как им удавалось.

– Но когда они приходили вот к Вам, они скрывались как… и они не боялись, что их словят или?..

– Нет, почему же не боялись? Боялись, но за водой им разрешали ходить. Они всегда с ведрами приходили. А она как вышла, я не знаю. Вышла. И так не раз выходили. Я помню, этот Мо.. Мовша… тоже перинку предлагал. Это он то… тоже из гетто же вышел.

– То есть они выходили и часть возвращалась обратно, а часть убегала в лес?

– В основном, возвращались. В основном, возвращались. А те, кто намерены были уйти, то уходили. Я по… я помню был такой у нас Велькин работал у нас по электрофикации.

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Как?

– Велькин фамилия.

– Велькин, ага.

– И то он рассказывал, что он был там, за… за городом, это говорит: «Мы там много оружия приготовили». А потом кто смог, те ушли в лес. Между и ими и он был. Потом такие Бельские были. Это их пять братьев было. Вот их отряд был. То по… помню в сорок четвертом году не… казаки здесь у нас стояли. Это… ну, сослуживцы немецкие. Они в воскресенье ушли, а назавтра отряд Бельских пришел. Здесь на выгоне табор от… открыли. Казаки костры полили, и все… Страшно было, потому что нельзя было, потому что в окнах нельзя чтобы свет был. А они себе хоть бы что. А потом вдруг потемнело, они снялись. Уходили. Видимо, этот отряд Бельских приближался. Они убегали уже.

– А вот кроме этой девушки и Мовша, про которых Вы рассказывали, Вы помните еще каких-то евреев, которые к Вам домой заходили?

– Вы знаете, что… что их столько приходило, что трудно вспомнить. Ну, приходили и молодые. Особенно женщины, девушки. Ну, я так думаю, что это девушки были. Молодые, красивые. Постарше мужчины приходили. Женщины постарше я не помню, чтобы приходили, а вот мужчины приходили часто.

– Вы рассказывали еще про какого-то еврея, который просил меда у Вашей мамы.

– А Это Болда был. Е… его.. он… он не у мамы просил, а моего брата назначили, ну с целью назначили вывозить мусор из гетто, с лошадью. Где-то же нужно было работать. При немцах обязательно. А отец в годах был, но все равно лошадь у нас была.. надо было, чтобы он работал. Ну так вот эти устро… устроили его, эти рай… райсоюзники устроили его в этот.. в гетто вывозить мусор. Ну и брат, когда ехал туда, ну, мешок лошади так на шею, а в мешке сечка с овсом, ну а там что-нибудь: хлеб,

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

картошка могла быть, сало могло быть, мясо могло быть. И евреи бы.. быстро сориентировались. Ну, та… там кому-то знакомому предложил, одному, второму. И они, когда он только приезжал, они так уже охотно шли этот му.. мусор ему нагружать. И в первую очередь к лошади этого меш… к этому мешку, забирали что.. что там кому. А у этого Болды сестра заболела на почки. И вот Болда подошел к моему брату и говорит: «Можно было бы стакан меда?», что вот сестра такая больная. Брат говорит: «Хорошо. У нас есть пчелы, у нас четыре улья со пчелами было». И на завтра брат приехал домой и говорит: «Меда надо». Мама говорит: «Хорошо.». Говорит… В таких бу.. бутылках литровых был мед этот. Он свежий, так как сливался редкий. Бутылки такие как из-под кефира.. ну такие с широкими горлышками. Но у нас литровые были. Мама говорит: «Возьми литр меда отвези. Ну что это стакан значит?». И он отвез. Но потом этот Болда меня выручал, после войны.

– А как выручал?

– А он… у меня была такая соседка, которая хотела, чтобы и меня забрали, вывезли бы на Ура.. на Урал, в шахты. Она очень с… ходатайствовала, а евреи меня выб.. меня в результате арестовали. Отец пошел за.. с так… с такой справочкой к председателю райисполкома. Врачебной справкой. И зна… прокурор меня отстранил был. К прокурору вызвали первый раз. А потом пришел этот… разорвал эту бумажку, что прокурор написал.

– Кто разорвал?

– Председатель… ни… горса… не райисполкома, а горсовета. Председатель горсовета разорвал. И все, отец пришел с ничем.

– Прямо на глазах у Вашего отца разорвал?

– Да… да.

– Вас хотели забрать на работы?

– На Урал. На шахты.

– Для работы в шахтах?

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Две соседки забрали.

– Ага. Это в сорок четвертом?

– В сорок четвертом, осенью. А я больная почками уже.. уже тогда я больная была. И когда пр.. когда пришел этот участковый, не уч.. ну, участковый, наверное. Но он с ружьем, конечно… «Собирайся. Пошли!».

– И куда Вас повели?

– В НКВД.

– НКВД – местное здесь?

– Да.

– И сколько продержали?

– А меня отпустили сразу.

– В тот же день?

– Да. Пока мы… пока мы дошли до НКВД, то а… эти… милиционер был еврей. Тоже с партизанки.

– Который забрал Вас?

– Да, который пришел за мной. И мы встретились. Я вот помню Болда… напротив школы. Он спро… спросил, а это.. я слышала только он только фамилию назвал мою.

– Ага.

– А отец шел где-то, за каких тридцать шагов, сзади. По.. проследить куда же меня повезут. И пока мы пришли в НКВД, он меня уже не на.. просто, не на короткие, а по площади вокруг. По тротуару же нельзя идти арестованному. И по площади, вокруг, возле тротуара и по… пошли там, около тюрьмы было это НКВД. И приходим, а там – около тридцати евреев стоит. И все, не допустили. Болда командует, кричит: «Не дадим! Не дадим». Мне сейчас смешно, в таком халате сером…

– Тридцать евреев, как бы, местных жителей там было? Все на площади?

– Ну, которые с ге… с гетто были. Они же все уже вышли из партизанки. И уже здесь. Расселялись, на работу устраивались. И вот я… он вскрикнул

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

на них. Я говорила, целый кагал прибежал. «Не дадим» Не дадим!» - и не дали. Но я по.. пока пришла домой. Я уже совершенно больная была. Пришла и слегла.

– То есть, когда они были прямо возле здания, куда Вас повели или в…

– Они туда вошли. В коридоре были уже.

– Они были прямо в коридоре? Внутри здания?

– Да, когда мы пришли. Да, в этом здании, где НКВД. И они около дверей комиссара, кото… который меня уже послал арестовать. Они около этих дверей. И стали, и «не допустим» и все. «Не дадим!».

– Так что Вас даже… вас не повели внутрь к комиссару?

– Да. Абсо.. к самому комиссару я уже не попала.

– То есть Вас прямо там в коридоре и выпустили?

– Да. Да, вышел комиссар – «Вы свободны!».

– Ага. Он вышел к Вам и он отпустил?

– Он вышел. Он отпустил. Ой… извините, там телефон.

– Мы… мы остановимся тогда, если Вы хот…

– Так что Вы говорите, что Вас отпустили буквально же оттуда из коридора и Вы пошли обратно домой?

– Да. Пришла домой с отцом.

– А когда Ваш отец успел отвезти справку?

– А это несколько дней длилось, потому что она не.. не… несколько дней все воевала со мной.

– То есть Ваш отец отвез справку раньше?

– Раньше.

– В тот же самый день? Или на несколько дней раньше?

– Нет. Нет, нет, нет. Дня за два перед этим.

– То есть Вы тогда еще не были арестованы?

– Нет, нет.

– А почему Вы знаете, что именно это соседка воевала с Вами?

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– А потому что о.. она прибегала все время. Она уполномоченной была.

– Какой уполномоченной?

– Ну, это при… при советской власти таких уполномоченных сделали. Не то Солтыс, не то.. не то кто… в таком духе.

– А как ее звали, Вы помните?

– Бирюк Елена.

– Бирюк Елена. И уполномоченная она составляла списки или просто?..

– Да. Она фактически… мы не подлежали ей, мы подлежали другому. На экономии. А она старалась меня убрать.

– А почему? Были какие-то трения между вами ил нет?

– Нет. Никогда. Никогда не было трения. С ее детьми я дружила. Хорошо было.

– Так что Вы даже не понимаете почему и как?

– Ничего не понимаю. В то время было… было такое понятие, значит, если меня убрать, то тут «лапу наложить на моих родителей». Потому что родители престарелые, бабушка парализована. То на хоз.. на.. на…

– То есть Вы думаете, что из-за имущества?

– На хозяйство «руку положить».

– А эти евреи, которые собрались там, в НКВД, Вы слышали, как бы, что они говорили, как они объясняли, вот, свой протест?

– Ну слышала. Я же стояла среди.

– И что они говорили. Вот какие у них объяснения были?

– Они с.. они этому на.. на.. комиссару доказывали, что мы спасали их от см… от голодной смерти. Что мы все время помогали, что они опирались на наш дом. И что.. что они не допустят, чтобы меня забрали.

– Ага.

– «Выше будем обращаться. Не допустим.»

– А вот Вы говорили, что этот милиционер, который Вас вёл, он тоже был евреем?

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Тоже еврей. Коганович фамилия.

– Коганович.

– Тов.. товарищ моих братьев. Учились вместе.

– Ага.

– И вот они, когда… когда встретились, по.. помню около школы. Тепе.. теперь там, это, вторая школа у нас. И.. они за.. по-еврейски заговорили. И он с.. я услышала только свою фамилию, он назвал. Может, потом Болда и заметил отца, но не задерживался. Он крутанулся и пошел обратно. А я.. а это тогда уже мы тогда не пошли по Почтовой улице, а пошли сюда, по Замковой. На площадь, вокруг площади. И пока мы пришли, там уже целый кагал… тридцать евреев где-то было. Ну я их там не считала. Они меня окружили.. «Не дадим и все!».

– Скажите, пожалуйста, вот это гетто… сколько оно просуществовало?

– В сорок первом году, осенью сделали. В декабре. В м… в марте н.. нет, в январе сорок третьего года ликвидировали гетто. Евреев вывозили здесь в Витовку. Тоже массовый расстрел, там две могилки большие есть. Тех.. тех городских, наверное, там за… за город вывозили. Там… там есть могилы.

– Вы видели ликвидацию гетто?

– Нет, я лежала больная. Но я видела только как погром был и возили машинами, «душегубками».

– Какой «погром»?

– Ну погром евреев. Вот они их машинами возили и там… за… за городом… это Больчицы, фактически, там называется эта местность. И там их хоронили.

– Откуда их вывозили машинами?

– Из гетто.

– Из… из гетто?

– Из гетто, да.

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– А когда это произошло, то, что Вы говорите, что «погром»?

– Ну вот этот погром был? Мы это погромом называли. Это в августе сорок… сорок второго года.

– Я не очень понимаю тогда. Если я правильно поняла, Вы говорите, что ликвидация гетто была в марте сорок второго? Так что…

– Да. Так всех не вывезли тогда. Еще остались здесь.

– Так что тогда только началась, как бы, первая часть, как бы?

– Это уже не первая была. Потому что первая это, я считаю, что на площади пятьдесят два человека расстреляли. Двадцать шестое июля сорок первого года.

– То есть гетто еще не было ликвидировано полностью? Потому что я поняла, что в марте, как бы, гетто уже ликвидировали.

– А в сорок третьем году, в марте, ликвидировали гетто.

– В сорок третьем?

– Нет. В январе.

– В сорок третьем?

– В сорок третьем.

– Ага.

– А это в сорок втором году, в августе, шестого-восьмого августа их расстреливали.

– Числа Вы тоже записывали или просто помните вот так?

– Я и помню, и я себе по… записала. Юден Рад этот, записала, что была такая Рада еврейская. Но кто там в этом участвовал – это меня не интересовало. Абсолютно никогда.

– Вы видели тогда как машины вывозили евреев? Во время этого погрома?

– Летом это.. это в сорок втором видели. По соседней дороге, здесь не было столько деревьев, не было… жасмины мои не… не были такие, как сейчас я в кустах сижу. У нас из окон видно было.

– И что Вы видели именно?

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Мы видели как машины ездили. И сказали, что… что евреев вывозят.
– А машины… они были закрытые?
– Закрытые. Закрытые, да. Закрытые и открытые, разные были. Но эти крытые – «душегубки» были, они газ пускали. И они их таких полумертвых к ямам…
– И кто Вам про это рассказывал?
– Так и братья видели, и я видела, и… и люди, брат там как раз один был в Больчицах, там к соседу поехал. Поехал с лошадью. Корову повел. Там у них бугаи были. И… и теперь его дочка, этого со… человека.. вспоминала. Мы разговаривали, она говорит: «Я, конечно, это не помню, но папа рассказывал и привозили к этим ямам и, - говорит, - а отец с Вашим братом на чердак спрятались.» И там из окна наблюдали. Ко… корову и лошадь в сарай поставили, чтобы не.. не выстрелили. И из окна наблюдали как привозили этих евреев и выталкивали из машин, и только го… говорили… брат говорил. Брат мой видел.
– Вот этот брат Станислав, про которого Вы говорили?
– Нет, нет, нет. Леонард, самый младший. Самый младший. Он в хозяйстве был. Вот этот Леонард ездил в гетто, в.. возил продукты. Он мусор вывозил. Леонард, самый младший. Он из двадцать третьего года был.
– Ага.
– Когда арестовали, ему двадцать лет было. И говорит: «Так, видно, из этих закрытых машин, - говорит, - просто выкидывали, они по… полумертвые уже были. А открытые машины стави… ставили на… на… на край и расстреливали. Очередями…»
– Он уже потом вот рассказал Вам про все это?
– Но.. не…не все падали мертвые. Некоторые одни за других хватались. И, вот, там сосед недалеко был. Этот сосед рассказывал. Тот он говорил: «На.. на завтра реч… речушка там идет на Городечно… в этой речушке

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

вода красная была.» мы там бли… близко возле, эти ямы две.. две могилы…

– А как этого соседа Вашего звали?

– Максим Лазаревич. Но его нету в живых. И детей нету никого.

– Вы когда-нибудь ходили потом на то место, чтобы увидеть ямы или, там…

– Ну, засыпанные были.

– Уже засыпанные?

– Много раз. А до этого Максима Лазаревича.. это их имущество было здесь. Вот это из этого имущества выкуплена земля наша.

– Вы видели когда еще свежие могилы там были или только потому уже?

– Нет. Тогда летом еще ходили. Ходили на могилы эти.

– И… и что было видно там?

– Песок засыпанный.

– И все?

– Все.

– А пятна какие-то крови там были?

– А нет, нет, нет.

– Нет уже?

– Засыпано было аккуратно все.

– А сколько машин таких Вы видели по дороге?

– Ну Вы знаете, это уже трудно сказать, потому что они взад-вперед ходили. Гетто же рядом. А у нас как только из гетто выезжали, промежуток небольшой видно было.

– То есть это не одна, не две?

– А нет. Там, может, каких восемь-десять машин было.

– И это всего лишь один день такая операция происходила?

– Один день.

– Или несколько было?

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Один день.

– Один день только. А потом когда… когда окончательно ге... гетто уже ликвидировали, то я вообще ничего не видела. Я лежала больная. Только услышала стрельбу, я говорю брату: «Что это… что это за.. за ра… стрельба такая?». Это в январе было. И он говорит: «А это там ру.. хрупкий сарайчик там, амуниция была. И кто-то там поджег или что-то. - и он говорит, - Вот она… она разрывается». Он не сказал мне, что это гетто расстреливают. В них стреляли здесь, на месте многих.

– Часть, которая все еще была?

– Да. Сколько их тут расстреляли, как вывозили – это никто же из нас не… не видел и не посчитает.

– А Вы лично когда-то и где-то видели мертвых, как бы?..

– В сорок первом году на улице. Или в сорок втором году на улице. У нас как раз праздник вот в это время в августе. Тогда… тогда расстреливали. И был такой погром. И мы ходили в костел, у нас торжественное такое… «Спас» такой праздник. И ходили в костел, и мы, когда в костеле были, мы были услышали стрельбу. И мы долго не выходили из костела. Там кто-то сказал. Кто-то зашел и сказал. Сказали, что евреев расстреливают. Но многие убегали… так я по… помню на... на Замковой улице, вот как до… к нам с по.. с площади поворот, так я видела трех ч… мужчин. Когда мы шли, мы уже по улице пошли. Через парк побоялись идти.

– Трех мужчин Вы видели?

– Да. И видела женщину. Та… дальше там за домами. В голубом платье. Как сегодня помню. Но ее не раздели люди. Завтра мы шли опять в костел, и она в этом се.. голубом платье лежала. А эти мужчины раздетые были. Вся одежда с… с… снята.

– Мужч.. То есть это на второй день они уже раздетые были? Или сразу же на первый?

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Нет, нет. На вто… на второй. Первый день мы.. свежие… только убитые. Кровь еще сочилась. И од.. одного на замке, где, вот, большие эти башни. Там танцплощадка была, и он хотел спрятаться, видимо, там не по.. в танцплощадке такой. Ну, там, где молодежь танцевала. И там такое отверстие, то есть он туда... и в него сзади выстрелили, и он так… ноги опущены. Это у меня так в памяти, как сегодня.

– А кто эти люди были, вот, эти расстрелянные? Эти трое мужчин?

– Евреи. Откуда мы знаем?

– А почему Вы предполагаете, что именно евреи?

– Ну, потому что евреи. Они же… когда мы… мы шли. Они, когда расстрелянные лежали, они же все помеченные были. А ж… и ношили… и носили шестиконечную звезду с левой стороны, и сзади на плече с левой стороны. Или кружки желтые.

– И Вы видели на этих трупах, видели такие метки?

– Да. На… на этих… Так мы еще когда эксгумация в сорок первом году была наших священников. Священников… там много… шестьдесят три человека. И там одного еврея достали. И то… тоже вот именно по этим меткам определили, что еврей.

– Вот этих трех мужчин и женщину, когда Вы видели... потому что Вы назвали улицу, но из-за того, что я не местная, так я не знаю. Как далеко это было, вот эта улица и место от гетто?

– А это далековато. Это от.. от площади как идти. А Вы на площади были?

– То есть их в городе где-то были?

– В городе их. Видимо, из гетто они убегали. Убегали и… и… их где поймали, там и убивали.

– А когда Вы были в костеле, долгое время продолжалась эта стрельба?

– Ну, наверное, больше часа. Оставались, как услышали стрельбу. Не… не выходили. Потому что опасно. Это же… Пу… пуля идет куда хочет. А мы обычно через парк ходили. Вот я с братьями ходила. И мы не вы… не

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

выходили… ну, все люди не выходили. А потом, ко… мы решили, брат говорит, через парк не пойдем, пойдем по улице.

– А Вы кого-то узнали из этих четырех мертвых? Или Вы их не знали?

– Нет, нет, нет. Я не знала. Милые мои, столько тысяч людей сидело в гетто. В одном… в одной могиле где-то пять, в другой – тут, по пять тысяч… это… много приезжих было. Были из Польши. Когда там нам немцы пришли, многие сюда переехали евреи.

– В какой могиле, Вы говорите, что было пять тысяч человек?

– За.. за городом, там, где Скделего называется. Там военный городок. Там… там пять. Там и тоже это то… точно никто не знает. Может, там пять… пять двести было, может, пять сто было.

– Это просто разговоры такие ходят?

– Да.. ну что пять тысяч, то.. то всегда говорили, что пять тысяч. Здесь, в Витовке, то… тоже на тысячи считай.

– А Вы говорили, что летом еще сорок первого расстреляли, вот, первых пятьдесят два человека.

– На площади. Да.

– Вот про это откуда Вам известно?

– Мои братья лично видели.

– Ваши оба братья, они лично видели расстрел?

– Да, младшие. Пятьдесят…

– И что они Вам рассказали?

– Музыка хорошая играла на площади, а немцы расстреливали. Их согнали в кучу и расстреливали, а потом молодых евреечек пригнали камни мыть, потому что там булыжник был раньше. Так вот их пригнали этих молодых евреечек, смывать кровь с камней, чтобы на площади ее не было. А куда их вывозили, уже братья не видели. Куда... куда повезли.

– Трупы?

– Да.

https://collections.ushmm.org
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

– Потому что они…

– Да, всех расстреляли. Среди них был еврей, который у нас прятался и (мне пани Тамара пообещала фамилию его поискать, но, наверное, не нашла). Адвокат он был, но я забыла его фамилию. Был этот… фельдшер, Эбштейн, у нас. Пять… пятеро детей у них было.

– Он тоже был там?

– Нет, это о.. они у нас прятались, когда немцы пришли.

– Ага.

– Я помню, когда пришли немцы с автоматами, а у нас профессора жена с детьми была, в моей комнате. А они там, в конце, там… там… там же не законченный дом. И они… и там икона висела. И евреям там сено уложено. Сено, там где рюшки, кому подушка. Детям было. У одного трое детей, а и .. и у второго – трое. Или у этих двое?.. Вообще, тринадцать человек было: Муж с женой, муж с женой, а остальные – дети. И.. и .с женой, и с братьями… Вот этого… этого фамилии не могу вспомнить. Я Эбштейны долго запоминала. Думала, как же фамилия того человека была… И… когда немцы зашли, и спрашивают дальше. А мама лежала больная. Я говорю: «Пожалуйста». Открываю двери. Они зашли, а мне-то страшно было, что автоматы приготовлены. Думаю, кто их знает, чем они пахнут. И они посмотрели, говорят: «Юда, (а мы так..) а… а… что они делают здесь?». По-польски говорили. Я говорю: «Молятся». Я как-то глянула на эту икону и говорю: «Молятся». И они: «Ха-хах-ха». Развернулись и ушли. И по.. помню Эбштейн говорит: «Ну к.. что тебе пришло в голову так сказать?». А я говорю: «Яне знаю». Говорю, я глянула на икону и вот так сказала. И они ушли, не трогали их. Ну а потом они уже по.. пошли по домам, когда все успокоилось. И тогда начали арестовывать.

– Мы сделаем паузу, потому что у нас заканчивается кассета. И потом продолжим.